Н. ИЛЬЕНКО.

Ковранские зори

Очерк

РАННЕЕ северное утро. Ветер безудержно гонит с Охотского моря свинцовые тучи. Редкие прутья еще не распустившегося тальника не укрывают от шквальных порывов ветра. Под ногами мокрая от росы робкая растительность. Тундра.

Ковранка спешит в устье, которое где-то тут, за поворотом. Слышится рокот моря. На левом берегу реки неуютно, зябко. Невольно жмешься к костру, мечтаешь о солнце.

— Чаюйте, — приглашает бригадир ловцов Дмитрий Николаевич Заев.

В его бригаде все любители чаевать. Бригадир — высокий, смуглый человек с крепкими, очень крупными и белыми зубами, с полевой сумкой через плечо и традиционным рыбацким ножом в самодельных ножнах на поясе. Рыбачит вместе с братом и еще двумя Заевыми. В его бригаде также Василий Афанасьевич Притчин, Николай Захарович Запороцкий, Дмитрий Руфович Слободчиков и другие. Все рыбаки с детства. И отцы и деды их были рыбаками, знают Ковранку, как свой дом.

В бригаде почему-то все пожилые, степенные, но юмор, оптимизм, так свойственные хозяевам тундры, искрились за нашим нехитрым застольем. Ловцы, утомленные утренней в целом-то бесполезной работой (полтора центнера корюшки, разве это улов?), продрогшие, лакомились кто чем — «соленкой», — прошлогодним балыком кижуча, салом, с розовыми прожилками, котлетами из рыбы. И все это запивают горячим чаем. Говорили о международном положении, о крабовой путине, о колхозных новостях, ну и, конечно, о самом главном. Корюшка шла плохо. В прошлом году на эту дату завершали плановое задание, а теперь взяли лишь 500 центнеров, как раз половину плана.

— Гуси-холостяки полетели, скоро должна корюшка пойти,— сказал брат бригадира Константин Николаевич.

Все посмотрели в небо, на гусей, летящих в сторону моря. Наступило долгое молчание, наверное, связанное этой знакомой каждому с детства картиной перелета гусей.

Я не стал нарушать молчания расспросами. Хотелось выяснить, откуда точно известно о семейном положении только что пролетевших пернатых, отчего первая красная рыба здесь зовется каюркой, что означает в переводе на русский слово Ковран и еще массу других неясностей, накопившихся со вчерашнего вечера, когда я приехал в национальное село с таким поэтическим названием. Кстати, раньше Ковран называли Чаечным.

Понравилось село компактностью, удивительной прямолинейностью широченных улиц, похожих на проспекты. Давно я хотел сюда попасть, еще при прежнем председателе. Нет не при О. Б. Чефранове, которого, к сожалению, не знаю. А при Иване Яковлевиче Гончарове, ушедшего на пенсию. При всех недостатках и крутом несговорчивом и неуступчивом характере Гончарова, колхозники уважали житейскую мудрость в своем тогдашнем председателе, внутреннюю душевность. Не вина Ивана Яковлевича, что он так и не добился, чтобы в его колхозе порядки стали такими же, как в колхозе знаменитого Орловского. А ведь и ездил он туда специально за опытом и уже видел такое же у себя. Но здоровья, знаний, гибкости не хватило, чтобы перенести опыт, так сказать, с белорусской на корякскую почву. Да и материальных ресурсов, денег не было в таком количестве, чтобы наладить быт и культуру ковранских граждан с таким же размахом, как у белорусских миллионеров. Камчатского чуда на этом этапе, когда во главе правления колхоза стоял Гончаров, не получилось. Но мечта гончаровская осталась.

Вот тогда, еще при Гончарове, начали планировку села и зеленые насаждения прививались. Какие замечательные тополька растут у правления колхоза. Сейчас, в бывшем доме Ивана Яковлевича, кстати, ничем не отличающегося от дома любого колхозника, находится гостиница. А напротив — клуб. Там недавно появилась новинка — тоже, наверное, давнишняя мечта Гончарова — первый в Ковране асфальт. И пусть дорожка не так уж длинная: но это еще один признак дальнейшего расцвета культуры в этом селе.

Не знаю, введены ли в колхозе Орловского звания «Почетный колхозник» и «Почетный гражданин села», а в Ковране есть уже первые ласточки — присвоено такое звание в прошлом году ловцу Дмитрию Руфовичу Слободчикову и учительнице Марие Дмитриевне Шацких.

Порадовался бы Иван Яковлевич и еще одной перемене — Ковран стал отделением объединенного колхоза «Красный Октябрь».

Объединение—это целая эпоха в жизни здешних колхозников. И, наверное, вот эти простые рыбаки долго и обстоятельно обсуждали быть или не быть объединению. И теперь уже нет двух мнений, назад возврата не будет. Только в специализации хозяйств — путь к их расцвету.

Подумать только. Вдруг в Корякском национальном округе на базе двух хозяйств вырастет одно, уступающее лишь сероглазкинскому гиганту. Собственно, нынешний «Красный Октябрь»— тоже колхоз-миллионер: более чем 9 миллионов рублей планируется ему валовой доход.

Только миллионеры могут великодушно и так бескорыстно (заметили в скобках — только советские миллионеры) пожертвовать оленьи стада, поселки с современными магазинами, клубами и жилыми домами. По самым скромным подсчетам все это стоило 3 миллиона рублей. И все это было безвозмездно передано в новое оленеводческое государственное хозяйство...

— Миллионеры, а лодок нет, снастей нет. С чем ловить вышли, вы только посмотрите? А с сапогами прямо анекдот. Привезли всего одну пару резиновых сапог, оба на правую ногу, — в сердцах сказал один из ловцов, разговорчивый коряк.

Все согласно закивали головами. С сапогами действительно конфуз. Чтобы снарядить бригаду, пришлось разуть директора школы, заведующего отделением, учителей. Но правление и местный рыбкооп не виноваты. Заявка была написана своевременно. Но из области не прислали ни одной пары и не обещают.

И другие недостатки, как говорится, имеют место. Парадокс. С одной стороны миллионеры, и с другой — временно нищие. Трудности реорганизации. Они неизбежны. Другое дело, как с ними справится новое правление, каким будет новый председатель.

И тут, наверное, снова бы порадовался прежний председатель «Красного Октября». Ему на смену с такой же деловой хваткой, но с большими знаниями, энергией, размахом и практицизмом, умноженными, если так можно выразиться, на трезвый, реалистический расчет, в хорошем смысле этого слова, пришел (не будем выдавать авансов и векселей) один из организаторов колхозного производства—Дмитрий Иванович Громаков. Человек в округе давно уже известный. Он был когда-то председателем колхоза «Путь Ильича». Потом, как он выражается, два года подписывал и подшивал бумажки в одном из отделов рыбакколхозсоюза, потом, соскучившись о живом деле, работал у Н. Н. Шаталова в колхозе имени Бекерева начальником Пахачинской экспедиции. Не знаю, то ли под счастливой звездой родился Николай Николаевич, то ли Дмитрий Иванович, но факт остается фактом, из всех Пахачинских экспедиций 1967 года, лишь одна экспедиция колхоза имени Бекерева перевыполнила план.

(Окончание следует).

Н. ИЛЬЕНКО.

Ковранские зори

ОЧЕРК

(Окончание. Нач. в № 109).

И вот во главе правления нового колхоза стал Громаков.

— Что будет дальше, посмотрим, а дисциплину в колхозе он поднимает на должную высоту, — говорят в округе. Я вспоминаю вчерашний разговор с ним сначала в правлении, а потом в машине. Густая прядь почти совсем седых волос, бронзовое, испеченное на солнце и обветренное лицо, крупные руки на руле «ЗИЛа». У председателя колхоза-миллионера нет пока своего «газика». Ведет грузовую в Ковран по неотложному делу. Теперь оттуда правление перенесено поближе к морю и комбинату. Строят заново поселок на окраине Усть-Хайрюзова.

— Все будет. И председатель заживет получше, — отшучивается Громаков. — Надо идти к своему личному благополучию — через благополучие своего колхоза.

И поясняет: «Сначала второе, потом первое. Обязательно». Эту мысль, в разных вариантах Дмитрий Иванович высказывал, видимо, не раз и не два. Я ее слыхал в правлении, когда он беседовал со своими помощниками, рыбаками, уходившими на камбальную путину, даже с сезонниками. И повторил за рулем, когда мы ехали в Ковран.

— Ненавижу люто, тех крохоборов, которые видят во власти, данной им колхозниками, путь к своему личному обогащению.

Дмитрий Иванович обязательно выскажется на предстоящем пленуме окружкома партии, но он не может умолчать перед журналистом (нет не прихвастнуть), а поделиться отрадными симптомами. По сравнению с этими же числами прошлого года колхоз уже сдал государству на 30 тысяч центнеров рыбы больше, чем сдавали оба колхоза вместе. А за счет сокращения управленческого аппарата получена экономия в 30 тысяч рублей...

— По деньгам ходим, да еще и былую славу Камчатки втоптали в ил, — грохочет Громаков. — Голос у него кажется грубовато-резким. — С производством крабовых консервов просто стыд. Думаем войти с предложением о продлении крабовой путины до осени, до 20 октября, да и там можно смотреть по погоде. А начинать надо в феврале. Это же деньги для колхоза. И немаленькие. Опять же слава Камчатки... Посмотрите, как сдерживает нас комбинат и с приемкой краба, и с расфасовкой для отправки вареного краба в город. Кому-то взбрело в голову делать килограммовые пакеты. Сколько мороки, сколько расходуется пергамента, а главное — тратится зря сила. Золотое время. Надо искать резервы. Будто потребителю не все равно в ящиках или в пакетах придет краб. Мне и нравится работать в колхозе потому, что здесь всегда живое дело, надо всегда искать, никто готовенького не даст...

Вот какой председатель уже более двух месяцев работает у этих трудолюбивых людей, всю жизнь проживших в Ковране, и, конечно же, мечтающих видеть свое село богатым и красивым.

Уже давно я не в Ковране, а в памяти все еще приветливые рыбаки, суровая быстрая река, село, спящее неспокойным трудовым сном, светлая северная ночь с уже зажженной где-то на Востоке румяной зарей, и голоса девушек — Наташи и Жени. Гуляя у реки, они пели. Долго и красиво пели в два голоса.

В тот день у них был большой праздник. После окончания медицинского техникума, вернулись домой, будут работать в больнице. Старший брат Наташи — Алексей Аввав — ловит крабов на колхозном мотоботе, иногда появляется дома. Другой брат — Иван—служит на флоте. Пишет — после демобилизации тоже вернется в родное село.

Они все верят — скоро, очень скоро граждане этого села, добившись расцвета своего колхоза, заживут не хуже белорусских миллионеров.